

УДК 398.91:[81.161.1+81.161.3](045)

Явление амбивалентной оценки в русских и белорусских пословицах о своём и чужом

Е. И. ТИМОШЕНКО

Микротексты, представляющие малые фольклорные жанры, в частности такие, как пословицы и приметы, выполняют в языке целый ряд функций: сохранения и передачи народной мудрости и опыта, обучения носителей языка логическому мышлению, а также функцию оценки, влекущую за собой предписание того, как следует или не следует поступать. Оценке в языке подвергается прежде всего то, что связано с любыми (физиологическими, эмоциональными, социальными) потребностями человека, с его деятельностью и поведением.

Среди объектов, подвергающихся оценке в русских и белорусских пословицах, может быть назван ряд явлений, ситуаций, состояний, свойств и т.п., оценка которых оказывается однозначной – положительной или отрицательной. Так, например, однозначно положительно оценивается большая и малая родина, родной дом (рус. *Всякому мила своя сторона; Родимая сторона – мать, чужая – мачеха; На чужой стороне и весна не красна; Любит и нищий свое хламовище; Глупа та птица, которой гнездо свое не мило; Хвали заморье (чужую сторону), а сиди дома; Дома все споро, а в чуже все хуже; На чужой стороне и сокола зовут вороною* [1]; бел. *Лепи нічога няма свайго роднага вугла; Усюды добра, а дома лепей; Чужая хата не грэе; На чужой старане і вясна не красна; У гасцях добра, а дома лепі; Бяда не мець свайго вугла; Ліхая тая птушка, што ў сваё гнездо паскудзіць* [2]; только положительно оценивается здоровье человека (и соответственно отрицательно – болезнь) (рус. *Здоровье – всему голова, всего дороже; Здоровье дороже богатства; Здоровью цены нет; Здоровье не купишь*; бел. *Здароўе даражэй за ўсё; Хвораму нічога не міла; Лядачаму ўсюды кепска*); определено положительно оценивается трудолюбие и отрицательно – лень (рус. *Труд человека кормит, а лень портит; Не потрудиться, так и хлеба не родиться; Лень добра не дает; Ленивый и могилы не стоит; Без дела жить – только небо коптить*; бел. *Хто гуляе змоладу, памрэ з голаду; Гулі (сваволя) да дабра не даводзяць; Хто працуе, таму і шанцуе; Хто рана ўстае, таму бог дае, а хто доўга спіць, таму няма ніц; Гультай горш калекі; Няма горшага калецтва, як гультайства; Кожан гультай – злодзей*); однозначно отрицательно оценивается неуважение к родителям (рус. *На свете все найдешь, кроме отца и матери; Все купишь, а отца – матери не купишь; Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает; Нет такого дружка, как родная матушка*; бел. *Хто бацьку і маці зневажае, той дабра не знае*). Абсолютная ценность таких понятий, как родина и родной дом, здоровье человека, таких свойств, как трудолюбие, в традиционной картине мира сомнений не вызывает.

Известно, что среди пословиц различаются выражения с прямой и с образной мотивировкой общего значения. Выражения первого типа Г.Л. Пермяков, например, предлагает называть афоризмами, чтобы отличать их от собственно пословиц, имеющих образную внутреннюю форму [3, с. 10-11]. И если для собственно пословиц оценка оказывается, как правило, имплицитной, «скрытой в метафорической ткани текста», или зависящей от внетекстовых факторов и семантическая неопределенность, таким образом, может быть постулирована как один из регулярных признаков, который проявляется в возможности употребления пословицы в различных модальных и оценочных смыслах [4, с. 96-97], то противоположность оценки одного и того же объекта, свойства или ситуации в пословичных изречениях с прямой мотивировкой значения требует объяснений.

Внимание исследователей к этому явлению или ограничивалось его констатацией, или приводило к очень общим объяснениям, которые, на наш взгляд, могли бы быть углублены,

конкретизированы, а в ряде случаев опровергнуты. Так, например, В.И. Чичеров, автор вступительной статьи к сборнику пословиц В.И. Даля, пишет по этому поводу, что в противоположных по содержанию пословицах и поговорках отражается противоречивость сознания; объясняет существование пословиц с противоположной оценкой социально-политическими противоречиями, отражением реакционных и прогрессивных взглядов на те или иные явления жизни, например на положение женщины в обществе (сравнивает пословицы типа *Бабе дорога от печи до порога; Курица не птица, баба не человек; У бабы волос долог, ум короток* и *Муж – голова, жена – душа; Женский ум лучше всяких дум; Худо дело, коли жена не велела*, указывая что второй блок пословиц «звучал» как протест против крепостнических порядков тогдашней России). [1, с. XIV, XIX]. Г.Л. Пермяков, рассматривая пословицу как знак ситуации, высказывает мысль о том, что, поскольку ситуации могут быть самыми различными, в том числе противоположными, то и пословицы оказываются формально противоречивыми, но верными и уместными для соответствующих ситуаций. «Эта логика, – пишет ученый, – действительно, отличается от той, которую изучают по специальным учебникам, но зато испокон веков принята всеми народами, ибо это и есть логика здравого смысла» [3, с. 38]. Близкая точка зрения высказывается в предисловии к сборнику белорусских народных пословиц и поговорок, составленному В.Д. Литвинко и Л.А. Царенковым. Противоречивость оценок объясняется конкретными обстоятельствами, в которых может находиться человек, а также различием опыта, убеждений и жизненных установок разных людей [5, с. 9–10].

В работах, посвященных анализу структуры и семантики пословиц и других текстов малых фольклорных жанров, также отмечается неустойчивость оценочной маркированности компонентов семантической оппозиции, на которой обычно строится пословица. А. Дандис пишет о том, что ни один член из каких-либо, по его терминологии, «семантических пар», традиционно представленных в пословицах, «не может считаться лучшим»; предпочтение может отдаваться то одному, то второму члену оппозиции, и вообще отношения между ними могут быть весьма многообразными [6, с. 30]. Амбивалентность оценок, мена оппозитивов местами рассматривается Т.В. Цивьян как непринципиальное явление при сохранении аппарата самих оппозиций и общего классификационного принципа, позволяющего описать мир как единое целое [7, с. 18]. Рассмотрим более подробно явление амбивалентной оценки на материале пословиц о *своем* и *чужом*.

Метод выявления системы семиотических оппозиций, через которую описывается любая модель мира, приводит лингвистов к убеждению, что основополагающей в этой модели является пространственная оппозиция *внутренний – внешний*, имеющая свое продолжение в виде более широкой оппозиции *свой – чужой*, в которой первый член (*внутреннее, близкое, свое*) оценивается положительно, а второй (*внешнее, далекое, чужое*) – отрицательно. Обращает на себя, однако, внимание то обстоятельство, что *свое* в белорусских и русских пословицах далеко не всегда оценивается положительно, а *чужое* – отрицательно. Сравн., с одрной стороны: рус. *Всякому свое дороже; Свой хлеб сытнее; Вся свое хвалит; Всякому свое мило; Нет певчего для вороны супротив родного вороненка; Дитя хоть и криво, да отцу, матери мило; Твое хоть дороже, (краснее, белее), а свое милее; Свой своему поневоле друг (брат); Чужой мед горек; Чужой хлеб горек; Чужим кусом подавишься; Чужой хлеб рот дерет; Не радостен чужой обед, коли своего дома нет;* бел. *Кожнаму сваё мілейша; З сваімі толькі добра есці і піць; Скрозь на свету лучшы нас нету; Свой насоу цяплей чужога кажуха; Усякае сваё нямыта бела, а с другой – рус. Чужой и хлеб слаще калача; В чужих руках ломоть велик (крома велика); Свой хлеб приедчив, чужой ломоть лаком;* бел. *Свой горш чужога часцей; Свой заўсёды горшы чужога; З сваім найгорша справа; У чужых ўсё лепшай; У чужых руках пірог вялікі.*

Как пишет Н.Д. Арутюнова, свое предпочитается чужому по разным причинам: 1) свое «гарантировано и доступно, оно предоставлено в пользование хозяина, чужое же – вне его воли и власти», т.е. имеется в виду противопоставление «реального – нереальному»; 2) не следует завидовать и зариться на чужое, зависть – осуждаемое чувство, нужно довольствоваться своим; 3) «предпочтение своего чужому может также отражать позицию «гордого и

независимого бедняка”; 4) свое может предпочитаться чужому вследствие эмоциональной привязанности – это привязанность к родине и родному дому, родственникам, сородичам и т.п. Теми же субъективными факторами (завистью, привязанностью к своему и под.) иногда обуславливаются “смещения и капризы в оценке своего и чужого”, например: *Свои дети всегда лучше чужих, а жена – хуже; На чужом поле рис кажется лучше, свои дети кажутся краше*. В таких случаях зависть “работает” в пользу чужого, кровная любовь – в пользу своего; зависть “направлена на то, что рассматривается как предмет обладания, а кровная любовь – на то, что является неотъемлемо своим”. Исследовательница указывает, что в таких случаях отражается “диалектика неправильных оценок” [8, с. 289-290].

Однако среди пословиц отмечены такие, в которых свое “кровное” оценивается хуже, чем чужое: *Свой горш чужога часцей; З сваім найгорша справа*. На наш взгляд, мена оценочного знака на противоположный, наблюдаемая в подобных случаях, не только не размывает и не расшатывает структуру той или иной оппозиции, но, напротив, оказывается дополнительным подтверждением ее устойчивости. Что касается конкретной оппозиции *свой – чужой*, то здесь как раз на основе содержания пословиц, которые являются отражением “диалектики неправильных оценок”, могут быть указаны аргументы в пользу положительности *своего* и отрицательности *чужого*. Представления типа *Чужой и хлеб слаще калача; На чужое добро руки чешутся* (рус.), *У другіх ўсё лепшай, У чужых руках пірог вялік, Чужыя лямішы харашы* (бел.), конечно же, обусловлены завистью человека. Пресуппозиция же (фоновые знания), а также подтекст таких выражений заключается в понимании носителями языка чувства зависти как такого, которое объясняется твердым убеждением каждого (или, по крайней мере, большинства) в том, что *свое должно быть* самым хорошим, лучшим, чем *чужое*. В подобных выражениях как раз и проявляется беспокойство по поводу того, что у другого может быть лучше, чего, по определению, быть не должно.

Пословицы же типа *Свой заўсёды горш чужога, З сваім найгорша справа*, не разрушая рассматриваемой оппозиции, высвечивают “обратную сторону медали”. Общеизвестно, что в реальном мире нет ничего идеального, идеал – то, к чему можно и нужно стремиться, но вряд ли можно достичь. Недостатки и изъяны обнаруживаются очевиднее и прежде всего у тех, кто постоянно рядом с нами; своего всегда знаешь намного лучше, чем чужого, но это значит, что знаешь не только достоинства, но и отрицательные черты. С этим обстоятельством, кстати, связан наиболее типичный сценарий развития отношений между людьми по мере углубления знакомства от очарования к разочарованию. Мы хотим общаться и познакомиться с человеком ближе, потому что очарованы, но по мере сближения видим недостатки и разочаровываемся (*раз-очароваться* производно от *очароваться*). Таким образом, в подобных пословицах отражается другой, более глубокий уровень познания действительности и дело сводится не столько к тому, что *свой* хороший, а *чужой* плохой, сколько к тому, что в отношениях со своими и чужими разные точки отсчета, разные требования, возможности и цели. Сравн. отражение сходных ситуаций в восточных пословицах: вьетн. *В своей пагоде и Будда не кажется святым; Живя около пагоды, начинаешь и Будду звать братцем*; тамил. *Храмовая кошка богов не боится*; корейск. *Соседи колдуна не верят в его силу* [3].

Из материалов, содержащихся в соответствующих тематических разделах различных сборников пословиц, видно, что пословиц (точнее – пословичных выражений), в которых свое предпочитается чужому и оценивается положительно, не в пример больше тех выражений, которые содержат противоположную – отрицательную – оценку своего. Это касается и “Сборника пословиц русского народа” В.И. Даля, и “Избранных пословиц и поговорок народов Востока” Г.Л. Пермякова (в последнем, например, в подразделе “Свое (привычное) – плохое, а чужое – хорошее; чужое лучше своего” пословиц в 4–5 раз меньше, чем в подразделе “Свое (родное и привычное) – хорошее, а чужое – плохое; свое лучше чужого” [3, с. 298-305].

Далее, обращает на себя внимание то, что большая часть пословиц, в которых чужое оценивается как хорошее являются “мнимоположительными”: они или содержат глагол *казаться*, выражающий субъективное восприятие и оценку или даже и без этого глагола отражают то же субъективное восприятие чужого как якобы лучшего, продиктованное чувством

зависти, в истоке которого, как уже говорилось, лежит твердое убеждение каждого, что свое лучше и что те случаи, когда это положение дел нарушено, являются отступлением от нормы. Сравн.: тат. *Свой огурец горьким кажется*; пушту *Чужой осел кажется сильнее своего*; тадж. *Кусок соседа кажется жирнее*; чуваш. *Пирог в чужих руках кажется большим*; кит. *С этой горы кажется, что та гора высока*; лакское, турецк. *Соседская курица всегда выглядит гусем* [3, с. 302-303].

Количественная несоизмеримость пословиц с положительной и отрицательной оценкой своего, а также мнимая, по сути дела, положительность оценки чужого в пословицах с глаголами субъективного восприятия определенно позволяют говорить о закреплённости знака “плюс” за понятием *свое* и знака “минус” за понятием *чужое*. Об этой же закреплённости позволяет говорить наличие в пословицах с отрицательной оценкой *своего* и положительной – *чужого* слов типа *иногда*, *часцей* и под., а также частицы *и*, которая в таких случаях указывает на уступительность: япон. *И своя собака иногда кусает*; бел. *Свой горш чужога часцей*; турецк. *Иногда и свой груз бывает в тягость*. В лингвистической литературе высказывалось мнение о том, что слова такого типа в составе пословиц не выражают истины, более того – что и сами пословицы в целом никаких истин не выражают [9, с. 241]. Предлагаемый в статье взгляд, однако, позволяет утверждать обратное: лексические и структурные компоненты, указывающие на нерегулярность того или иного отражаемого в пословице положения дел, как раз и являются прямыми показателями того, что в подобных случаях имеется в виду отступление от основной закономерности.

Уместным представляется также привести высказывание Г.Л. Пермякова о том, что пословицы – знаки ситуаций, а ситуации могут быть самыми различными, в том числе и противоположными, – отсюда проистекает и внешняя противоречивость самих пословиц [3, с. 38]. Однако нет никакого сомнения в том, что сами ситуации так или иначе оказываются типовыми, в противном случае вообще была бы невозможна логико-семантическая классификация пословиц.

Любое правило, как известно, знает исключения, или, лучше сказать, правило и становится правилом тогда, когда есть исключения: их наличие и высвечивает, подчеркивает ту или иную закономерность. Наличие немногочисленных пословиц с отрицательной оценкой *своего* (на фоне подавляющего числа выражений с положительной оценкой) и есть то исключение, которое только убедительнее доказывает и подтверждает общую закономерность. Отступление от нормы – тоже проявление нормы, потому что в мире нет идеального, “реальность идеального” выглядит как оксюморон. Это положение подтверждается большим количеством пословиц об исключениях из общих правил, действующих в самых разнообразных сферах жизни: рус. *Во всяком хлебе не без мякины; И в умолоте не без ухвостья; Во всякой избушке свои поскрыпушки; Ни праведный без порока, ни грешный без покаяния*; бел. *І добрага як замнога, то не добра*; осет. *И на хоорошей ниве попадает пустой колос; И дурак иногда умное слово молвит*; зулу *Нет такого красавца, у которого не было бы изъяна*; турецк. *Без кривого дерева леса не бывает*; тадж. *Розы не бывают без шипов, а мясо без костей*.

Случай типа *Свой заўсёды горш чужога*, т.е. пословицы, в которых прямо и категорично выражается отрицательная оценка своего, следует объяснить отдельно. Нам представляется, что в области паремологии так же, как и в лексике, могут наблюдаться факты, объясняемые своим появлением так называемому эмотивному фактору функционирования языка [10, с. 8]. Появлению новых лексических единиц может способствовать не только собственно коммуникативная необходимость, которая требует наименования **новых** предметов и понятий, но и потребность человека в непрямом (образном и поэтому более сильном) способе номинации **старых** понятий, что ведет к обогащению экспрессивно-синонимических средств языка. В области паремических номинаций этот фактор (стремление к экспрессивности), по нашему мнению, может вызвать появление подобного рода категоричных формулировок, которые, судя по материалу, оказываются крайне нерегулярными.

Амбивалентность оценки наблюдается в большинстве тематических групп пословиц и пословичных выражений. Наиболее ярко она представлена в пословицах, отражающих соци-

альные и этические отношения, оценку интеллектуальных качеств человека (сравн., например, бел. *Хто скупы, той глупы; Скупы і раскідны нароўні – Хто скуп, (той) не глуп; Скупы не дурань; Лепш скупавата, чым матавата; За грошы і бога купіш – За грошы ўсяго не купіш; У каго грошы – у таго розум – Розум грашыма не заменіш; Бедната не адбярэ ні чэсці, ні вума – Бедната – дурата; Моцны статак чарадою, а людзі грамадою – У кампаніі жыць – тужыць; У кампаніі і рай і мука; Стыд можна і ў кішэню схаваць – Сораму ў кішэню не схаваеш; Няма гарэй, як за дурною галавою – За дурным ічасце бяжыць* и др.). Очевидно, что каждая такая группа нуждается в самостоятельном исследовании.

Таким образом, амбивалентность оценки в пословицах о своём и чужом (как, по-видимому, и в пословицах других тематических групп) не размывает общей закономерности в оценочном соотношении оппозитивов: *свое* – хорошее, *чужое* – плохое, *свое* предпочтительнее *чужого*. Противоположная регулярной оценке членов семантической оппозиции отражает явление возможного отступления от нормы, которое в свою очередь рассматривается как одна из реализаций нормы. В этом убеждают статистические наблюдения, учет лексико-семантических и структурно-синтаксических особенностей пословиц, а также фоновые знания носителей языка, требующие неременного учета при анализе семантики пословиц.

Abstract. The phenomenon of ambivalent estimation in Russian and Belarusian proverbs about one's own and somebody else's is considered in the paper.

Литература

1. Даль, В. Пословицы русского народа / В. Даль. – М.: ГИХЛ, 1957. – 991 с.
2. Прыказкі і прымаўкі: у дзвюх кнігах. Кн. 1. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976. – 558 с; Кн. 2. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976. – 616с.
3. Пермяков, Г.Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
4. Крикманн, А.А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы / А.А. Крикманн // Паремииологический сборник / Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / составление, редакция и предисловие Г.Л. Пермякова. – М.: Наука, 1978. – С. 82–104.
5. Ліцвінка, В.Д. Слова міма не ляціць: Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі / В.Д.Ліцвінка, Л.А. Царанкоў. – Мн.: выд-ва “Універсітэцкае”, 1985. – 149 с.
6. Дандис, А. О структуре пословицы / А. Дандис // Паремииологический сборник / Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / составление, редакция и предисловие Г.Л. Пермякова. – М.: Наука, 1978. – С. 13–34.
7. Цивьян, Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т.В. Цивьян. – Изд. 3-е. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
8. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
9. Kirschenblatt-Gimblett, Barbara. A Theory of Proverb Meaning / Barbara Kirschenblatt-Gimblett. – «Proverbium». – 1973. – № 22 / перевод: Паремииологический сборник / Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / составление, редакция и предисловие Г.Л. Пермякова. – М.: Наука, 1978. – С. 241–244.
10. Левицкий, В.В. О причинах семантических изменений / В.В. Левицкий // Семантические процессы в системе языка: межвузовский сборник научн. тр. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1984. – С. 3–9.